

ISSN 0042—8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

3/96

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

3/96

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Записные книжки Л. Г. Дейча 3

СТАТЬИ

Ф. А. Гайда — Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия 31

А. М. Хазанов — Государство Ватуа и европейские колонизаторы (по материалам Исторического архива Мозамбика) 46

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В. И. Буганов — Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин 60

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году 82

ВОСПОМИНАНИЯ

Ю. В. Дубинин — Визит во Францию 113

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Дневник Николая Михайловича Дружинина 130

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

98-2230/5

ПУБЛИКАЦИИ

- Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 годах 142

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Ч. Мадайчик** — Н. Лебедева. Катюнь: преступление против человечества 166
- С. И. Михальченко** — М. В. Довнар-Запольский. История Белоруссии 168
- Ю. Е. Ивонин** — Д. Брандес. Усыновлены царями. Немецкие колонисты и балканские поселенцы в Новороссии и Бессарабии в 1751—1914 гг. . 170
- И. Д. Гусева** — Концепция «американской исключительности»: идеология, политика, культура . 171
- И. А. Челышев** — В. С. Шилов. Внешняя политика и партии во Франции (1969—1981) 173
- А. Я. Шевеленко** — В. П. Шушарин. Крестьянская война 1514 года в Венгрии 174

Записные книжки Л. Г. Дейча

Сейчас, когда становится модным возрождение социал-демократических идей, представляемых, как правило, в туманном и эклектичном виде, невольно напрашивается сравнение с ясными формулировками программы социал-демократической группы «Освобождение труда», написанной более 110 лет назад¹.

Одним из активных участников группы, оставшихся до конца своих дней преданных ее идеям, ближайшим сподвижником Плеханова был Лев Григорьевич Дейч. Он родился в октябре 1855 г. в Тульчине. В начале революционной деятельности Дейч вместе с такими известными народниками, как С. М. Степняк-Кравчинский, А. Д. Михайлов, Д. А. Клеменц, С. Л. Перовская, Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, Н. А. Морозов, входил в народническую организацию «Земля и воля», в уставе которой было записано: «безусловное принесение каждым членом на пользу организации всех своих сил, средств, связей, симпатий и антипатий и даже своей жизни».

В членском билете Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, выданном Дейчу, значится: «Провел в тюрьме и на каторге — 14 л., в ссылке — 4 года, в эмиграции — 19 л.» Неслучайно среди близких людей его называли «специалистом по побегам»². В отношении его, как и других «меньшевиков», переживших Октябрьскую революцию, употреблялась стандартная фраза: «С 1918 года от политической деятельности отошел» (сейчас подобные фразы в отношении лиц пенсионного возраста стали привычными и лишились своего «зловещего» смысла). Возможно, благодаря этому «отходу» Дейчу в последующие годы удалось выполнить обещание, данное в год смерти Плеханова, — «посвятить остаток дней своих увековечению его памяти»: выпустить шесть сборников «Группа «Освобождение труда»»³, перевезти основную часть архива Плеханова из Парижа, участвовать в создании плехановского Дома-музея в Липецке. Последние годы жизни Дейч (в качестве «писателя революционной литературы», как он записал в своей трудовой книжке) готовил к изданию ряд воспоминаний, в частности, в серии «Жизнь замечательных людей» — книгу о С. М. Степняке-Кравчинском.

Скончался Лев Григорьевич 5 августа 1941 г. в г. Сорочинске Оренбургской области. Его прах (частично он захоронен на Волковом кладбище рядом с могилами Г. В. Плеханова и В. И. Засулич) покоится под гранитной плитой на Новодевичьем кладбище Москвы в так называемом первом партийном ряду.

Из предлагаемых записей видно, как болезненно переживал их автор отсутствие в газетах какого-либо упоминания о деятельности группы

«Освобождение труда» в дни ее 50-летия и обилие в то же время публикаций об убийстве Александра II. История — увы! — повторяется... Пожалуй, последний раз большой интерес широкой общественности к деятельности группы «Освобождение труда» проявился в связи с публикацией сенсационной статьи Г. Куницына «Утаенное письмо» в журнале «Диалог»⁴. На титульном листе как приговор напечатаны слова автора: «Плеханов, Засулич и вся группа «Освобождение труда» пошли на нравственное преступление, спрятав письмо Маркса». (Здесь не место для полемики, но напомним, что «утаенное», «нокаутующее» и т. п. письмо Маркса было написано в марте 1881 г., а группа возникла спустя два с половиной года...).

В упомянутой статье говорится: «Имя Плеханова вновь стало чрезвычайно популярным, хотя надо признать, что оно никогда не забывалось». Действительно, не забывалось... на словах, а не на деле. Кстати, многие наши центральные газеты, радио и телевидение в 1993 г. ни словом не обмолвились о безвременной кончине 75 лет назад Г. В. Плеханова...

А ведь именно Плеханов и другие участники группы «Освобождение труда», как свидетельствует запись, сделанная Дейчем в июне 1930 г., не побоялись заявить о своем расхождении с Ф. Энгельсом и К. Марксом по вопросу об оценке террористической тактики народовольцев (получившей своеобразное возрождение в годы сталинского террора). И разве не об этом же говорит отрицательное отношение плехановской группы к террору в годы Октябрьского переворота?

Очевидно, для понимания подлинной гражданской и нравственной позиции как отдельных деятелей, так и всей группы «Освобождение труда» будет интересно познакомиться с заметками из записных книжек Дейча. Судьба этих книжек, которые велись нерегулярно, с 1910 по 1941 г., и которые недосчитывают многих страниц, любопытна.

Сохранилась копия документа, подписанная начальником 3-го отделения организационно-методического отдела Управления Государственным архивом НКВД СССР И. П. Козлитиным от 20 ноября 1942 г., из которого явствует, что «в процессе обследования архива Дейч Л. Г... принадлежавший ему архив остался в безнадзорном состоянии в его бывшей квартире... Все документальные материалы имеют большое историческое значение и как находящиеся в настоящее время бесхозными подлежат включению в состав Государственного Архивного Фонда СССР». Насколько мне известно, благодаря стараниям жены Дейча Эсфирь Марковны Зиновьевой-Дейч (1861—1946) частично это удалось осуществить. Она занималась литературно-художественной деятельностью. Ею были сделаны посмертная маска Плеханова, которая находится в липецком Доме-музее, а также скульптурные портреты В. З. Засулич, Д. Ибарури и др. Небольшая часть архива (некоторые документы, фотографии, книги, упомянутые записные книжки) после кончины ее хранились у ее брата В. М. Познера (1877—1957) — моего деда. Те из них, которые представляют интерес для характеристики деятельности группы «Освобождение труда», ее участников и ее создателя передаются мною в липецкий Дом-музей Г. В. Плеханова.

Предлагаемые заметки как всякий исторический документ несут на себе следы описываемого периода, но этим видением эпохи глазами как «ее актера, так и зрителя» они и могут быть полезны, а поэтому не нуждаются в комментариях и интерпретациях, дабы не попасть в разряд «кривляний перед зеркалом истории».

Автор заметок скорее всего (отчасти в силу их определенной субъективности, возможно, предвзятости или излишней, старческой ворчливости) отнесся бы отрицательно к их обнародованию, но, думаю, стыдиться ему было бы нечего. Во время одного из больничных посещений Плеханова Дейч как его партийный товарищ и давнишний друг получил от него в подарок книгу «Основные вопросы марксизма» с надписью: «Старому ворчуну Л. Г. Дейчу от автора». Публикация и комментарии А. Р. ПОЗНЕРА.

Познер Андрей Романович — доктор философских наук, профессор Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана.

Примечания

1. ПЛЕХАНОВ Г. В. Соч. Т. II. М. 1922, с. 357—358.
2. Новейший Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А. и Эфрона И. А. Т. 15. СПб., с. 766; Советская энциклопедия. М. Изд. 1-е. Т. 21, М. 1931, с. 30—32; ДЕЙЧ Л. Г. Четыре побега. Изд. 2-е. М.-Л. 1926, и др.
3. Группа «Освобождение труда». Сб. ст. № 1—6. М.-Л. 1924—1928.
4. Диалог, 1990, № 7.

1910 год

25—26. VIII.

Делегатами на Копенгаг[енский] Инт[ернациональный] конгр[есс] по взаимному соглаш[ению] между Плехан[овым], приезжавшим специально сюда, в Париж, с Лениным, у которого он (Плеханов. — А. П.) уже на буксире ходит (как это уже было после 2-го съезда и лиговского), — выбран Вогрский — поляк — это от русской-то партии! — и Ольгин! Я возмущен, огорчен, расстроен. От м[еньшеви]ков предложен был (бунд[овец], латыш и поляк.) Аксельр[од]. В случае отказа послед[него] — Мартов, который и поехал. Я высказал ему (и Дану), что у Ленина денег не взял бы на поездку. Акс[ельрод] не согласен со мною, так как, мол, деньги не Ленина. Мож[ет] б[ыть], они и правы. Не думаю. Дан предсказыв[ает] Ленину судьбу американского вожака непримиримых — полную изолированность, оторванность. Не думаю, чтобы это так было: Л[енин]н слишком хитер, ловок, и чересчур уж много имеются на Руси дураков, среди которых он всегда будет иметь успех.

Такие ли также ненормальные отношения в так называемой «р. с.-д.р.п.» будут существовать и к следующему интерн[ациональному] конгр[ессу]? Стыд и позор, что в делегаты выбираются не наиболее деятельные, старые, испытан[ные] члены, а всякие подхалимы, подтягивающие во всем Плеханову (Ольгин) и Ленину (Вогрский). За первым (Ольгиным) мне известна лишь та заслуга, что он умудряется одновременно жить с двумя женами. Но за эту способность выбирать в депутаты — немного много.

7. IX.

Спорили с Э[сфирь] о том, что скоро ли Плех[анов] расплется с Лен[иным]. Я допускаю, ч[то] их союз может никогда не расторгн[уться], т[ак] к[ак] их связывает общая ненависть к Мар[тову], Дану и К^о- и они живут чересчур далеко друг от друга, чтобы могли встречаться резкие разногласия между ними. Э[сфирь] предполагает, что через год, а мож[ет] быть, скорее или немного позже П[леханов] с Л[ениным] должны разойтись, так как первый скоро убедится, ч[то] ему не по пути со вторым. Посмотрим, кто из нас окажется пророком.

10. IX.

В течение цел[ого] вечера я доказывал Э[сфирь], что не стоит мне жить: 1) в обществ[енном] отнош[ении] я от всего отстранен, во 2) в материальн[ом] не вижу возможн[ости] прокормиться, в 3) всем тоже не гош[усь] и в 4) физически я плох, т. к. начинаю развинчив[аться]. Она доказывала: 1) что с начал[ом] какого-ниб[удь] обществен[ного] движ[ения], независимо от «лидеров», можно найти себе работу в рабочей среде; 2) просто интересно жить, чтобы быть свидет[елем] крупных политич[еских] событий, напр[имер], как немцы прогонят своего импер[атора] Вильг[ельма] II, как испанцы провозгласят у себя респ[ублику]; 3) пока здоровье позволяет, хочется работать; 4) занятие интересное и у меня имеется — писать и читать. А средства для существования найдутся.

Я ей рассказыв[ал], как в 1905 г. в Рос[сии] меньшевики меня оттирали от всякого дела. Она привела аналогич[ный] случай с нею. Я сообщил, ч[то] с меньшевиками всегда мне невозможн[о] было ладить. Она соглашал[ась],

ч[то] они неумелы, бестолковы, негодны как деят[ели]. В шутку я говорил, что готов, чтобы помогать им, соединиться с Л[енин]ным, иначе, подобно Фаусту, продаться Мефистофелю. Она возмущена одной такой мыслью. Скорее, она допускает соединение с Пл[ехановым]. Ну, уж с ним — ни за что! Это такой вздорный, нелепый в практическом отнош[ении] челов[ек], с которым не знаешь, как, на какой манер поладить, но силен как теоретик. Тут он незаменим никем. Она напомнила мне, что я же сам ей доказывал, ч[то] револ[юционер] не вправе кончать с собою. Это верно. Но раз находит такое настроение, перестаешь обращать внимания, считаешь с самыми верными взглядами — отвечал я ей.

Да, я в очень скверном настроении. Материально — ничего, мы обеспечены на 2 месяца и имеются надежды на будущее. Но что толку в этом?!.. Чем-то кончится это мое настроение.

9. XII.

И да здравствует весь мир! Все учение Т[олстого], весь смысл жизни, до которого он дошел, мучительно прост: в любви и самоотвержении. Смысл жизни, счастье в том, чтобы жить для других, оплатить добро... Только полно и широко живущий человек способен к действительной, ненадсадной любви и самопожертвованию.

29. XII.

Подтверждение от Ингерм[ана] приглашения меня приехать в Америку для редакт[ирования] газеты. Мое согласие. Первое впечатление — удовольствие. Сообщ[ил] близким и знакомым. Их недоумение и одобрение. На второй день — опасения насчет высылки денег на дорогу и вообще неуверенность в аккуратн[ости] Ингер[мана] и др., когда на мое 1-ое письмо он мог 6 нед[ель] не отвечать! Тревоги как насчет сдачи квартир, продажи мебели, абонемент[а] Э[сфирь] М[арковны] в школе и пр., так и относительно Амер[ики] вообще, что она не оправдывает наших надежд и ожид[аний], что мы будем сильно разочарованы. Что нас ждет там через год?!

Опасность очень, что разного рода мелкие и крупные недостатки америк[анских] условий жизни заставят нас чувствовать себя еще не по себе, как в чужой стране, непривычно, несимпатично. Но все же мы ничего, в сущности, не теряем, принимая это предложение, хуже, чем в Париже, кажется, нам не может там быть, а лучше — возможно. Посмотрим!

1911 год

6. I.

Мое отношение к происходящей между м[еньшеви]ками и б[ольшеве]ками новой (или, вернее) продолжающейся склоке таково, что «оба лучше» — друг друга стоят. Вся эта распря сосредоточив[ает] на себе все внимание, отвлекая от всякого производ[ительного] занятия. Меня возмущает поведение б[ольшеве]ков, но не могу по совести признать чистыми и м[еньшеви]ков.

Хорош и Тр[оцк]ий, возбудивший анкету по поводу основания Лен[ин]ным + Плех[ановым] новой «Рабоч[ей] газ[еты]», — как будто он (и др.) остановились бы перед соображением, что Л[енин] + Пл[еханов] уже раньше стали издавать газету, будь он на их месте. Хороши также Дан с Март[овым], принимающие участие в «Ц[ентральном] О[ргане]» и ведущие агитацию за созыв не пленума, как желает Лен[ин], знающий, что у него большинство, а конференции (это из заграничников!) И Дан еще воображает, что я в Ам[ерике] буду проводить «меньшевизм», буду побуждать, чтобы тамошние присылали деньги на «Гол[ос] с[оциал]-д[емократа]». Какая наивность! Maximum, что я буду там воздерживаться от высказываний своего истинного мнения, да и то мне трудно будет. Но высказываться положительно «за» присылку денег на «Г[олос] с[оциал]-д[емократа]», особенно, если он заполнен будет склокой, я, конечно, не стану — это было бы против моей совести и убеждений.

7. II.

Прелюбоп[ытный] раз[говор] с быв[шим] чин[овником] Деп[артамента]

пол[иции] Меньшиковым о его прошлой деятельности. Я прямо заявил ему, что только негодяй может, как он это сделал, сажать в тюрьму членов революц[ионной] пар[тии] (выдача им Ярославской организ[ации]). На это он ответил, ч[то] поставлен[ная] им себе цель — добиться службы в Деп[артаменте] — его побуждала. Я не признаю этого довода оправдывающим распоряжение свободой других. Он заявляет, что, по его мнению, народовольц[ам] пребыв[ание] в тюрьме не вредно, так как она является в своем роде школой для отбора. «Я сам был в тюрьме и знаю это по личн[ому] опыту», — сказ[ал] он. — «Мне также, как Вам известно, приходилось сидеть, но я все же не могу согласиться на то, чтобы кто-либо другой, поставивший себе какие угодно цели, без моего ведома и согласия распоряжался моей свободой, мог посадить меня в тюрьму. Даже организации, не то, что отдельному лицу, я не предоставил бы такого права. Тем более, что раз став на такой путь, нет границ для остановки: один удовлетворяется отправкой меня в тюрьму для своих целей, а другой не останавливается и перед посылкой меня на казнь. Таких «сверхчеловеков» я просто считаю негодяями». — «Значит, Вы меня считаете негодяем?» — спросил он. Я не уклонился от ответа, заявив, что ничем не могу оправдать его поведения. Далее он попытался указать, что все революционеры так или иначе по своему усмотрению располагают свободой других, что, мол, разница небольшая в том, если мы, чигиринцы, путем царского маниф[еста] захотели втянуть крестьян, с тем, что он поступил в охранку. Я указал ему на разницу и вообще выяснил ошибочность его взгляда. Подробности нашего разговора довольно интересны. Но мне некогда было тотчас их записать. Пошли сборы, проводы и отъезд в Америку. Банкет, устроенный мне французами, собрал немного лиц(челов[ек] 15); на рус[ском] банкете было человек[ек] 40. Оба носили довольно интимный характер.

8. II.

Перед самым отъездом потерял или обронил где-то кошелек с 300 fr., что в значительной степени испортило наше настроение при отъезде и в первый день пути на пароходе. Плавание в общем обошлось очень благополучно, я совсем не болел, Э[сфирь] М[арковна] — лишь немного. Первой встречей нас здесь я был не очень восхищен вследствие разных мелочей. Первые три дня нашего пребывания в Америке я описал Павлу следующим образом: «Само собою разумеется, я успел за это время повидать бесчисленное количество людей, в числе которых немало репортеров, которые затем, как водится, врут обо мне немало. Теперь предстоят митинги, банкеты и разъезды по ближайшим городам, а затем пойдут хлопоты по устройству и заведению газеты, к чему еще решительно не приступили. Общее мое впечатление не особенно благоприятное о положении дел: полное отсутствие людей, могущих и способных отдаться делу, крайне жалкое количество денег, сомнительные виды на будущее и пр., и пр., и пр. Лучший и наиболее преданный идеи о газете человек — Ингерман завален всякого рода работой, так что ему буквально приходится разрываться на части. Ну, да поживем — увидим!»

В этом письме лишь отчасти выражено полученное мною впечатление: оно значительно разнообразнее, многостороннее. Одно пребывание в ред[акции] еврейского Vorwärts'a дает массу небезынтересного материала, но я останавливаться не буду на этом. Любопытна также моя встреча и беседа с редактором «Гол[оса]» И. Окунцовым.

1912 год

1. I.

В финан[совом] отн[ошении] я с Эсф[ирь] М[арковной] начинаю его 8 дол. 45 ц.; в моральном — в таком настроен[ии], ч[то] мы с нею решили жить до 1915 г. с больш[им] намер[ением] поконч[ить] с собою, если тогда у нас будет такое же настро[ение]; при этом никто из нас не обязан непременно тянуть за собою другого или, наоборот, отказыв[аться] от решения, если другой раздум[ает].

В этот же день был у нас быв[ший] охран[ник] с женой-француз[енкой].
Странный тип!

2.1.

Крохотн[ый] луч надеж[ды] на заработ[ок] для Эсф[ирь]: Mrs. Робинс приезжала с д-ром америк[анцем], имеющ[им] мн[ого] св[язей], смотреть ее скульптур[ные] произвед[ения]. Послед[ние] ему понравились; он обещал кое-кому рекомендовать Эсф[ирь]. Вечер[ом] я ее оч[ень] огорч[ил] сообщив, ч[то] я взял у Город[ецкого] 800 fr., о чем она не подозрев[ала] до сих пор. Я, конеч[но], взял эти деньги из опасен[ия], ч[то] будем иначе терпеть нужду, а не сказал ей из нежелания ее расстраивать. Теперь я никогда не буду ничего скрывать даже с хорошими намерениями.

3.1.

Вечер провели у [неразб.]. Интересн[ый] челов[ек], оригинальн[ый], идейн[ый], со строгими моральн[ыми] принцип[ами]. Говор[ил] об А. С. П., ее неблагоприят[ных] приемах, неприлич[ных] анонсах, лжи и пр.

4.1.

Много думал насчет нашего устройства. Решил терпеть, ч[то] будет, — мож[ет] б[ыть], со времен[ем], когда здесь не удаст[ся] устрои[ться], вновь вернем[ся] в Евр[опу]. Деньги на обрат[ную] дор[огу] возьмем присужденные нам.

5.1.

Добрый друг д-р Аронс[он] выручил из затруднения, снабдив \$ 10 для уплаты за телеф[он] за 2 месяца, в против[ном] случ[ае] тел[ефонная] ком[пания] грозила прекрат[ить].

В публич[ной] библиотек[е] обратил[ся] нек[ий] Сыркин с предлож[ением] участвовать в устр[ойстве] кооператива, рассказ[ал] об успешно начатых предприятиях]. Я и Эсфирь М[арковна] обещ[али], познакомивш[ись] с ходом, примкнуть.

6.1.

Очень обрадов[ало] меня получен[ное] от редак[тора] «Вест[ника] Евр[опы]» К. Арсеньева согласие на напечат[ание] в наст[упившем] г[оду] 4-х моих очерк[ов] об эмиграции.

10.1.

Павел предл[ожил] пару сот[ен] фр[анков]. Дан и Волонтер отказ[ались] участв[овать] в «Н[овом] М[ире]». Балабан[ова], сверх того, присл[ала] копию своего письма в редакци[ю], в котор[ом] она отказыв[ается] состоять сотрудн[иком].

12.1.

Я и Эсфирь были на собран[ии] «кооператив[ной] лиги»; приглашают нас принять участие. Но главн[ый] агитат[ор] д-р Сыркин — синдикалист, опасно связываться, да и ничего из этого не выйд[ет].

17.1.

Бывшая работница Стокс раскошенилась и прислала нам \$10, будто бы как задаток Эс[фири] за работу; в действит[ельности] же это подаяние на бедность. Решили вернуть ей обратно. Это обстоят[ельство] растроило меня.

27.1.

Ездил в Гайдфорт с рефер[атом] о Толст[ом]. В мат[ериальном] отн[ошении] ничего, зато хорош[ее] впечатл[ение] от рабочих-христиан (Львовых).

30.1.

Написал для меди[цинского] амер[иканского] журн[ала] статью о «санитарно-гигиенических» услов[иях] рус[ских] тюрем». Кажется, удачно. Мартов, Дан и Волонтер прислали копию своего ответа Ингерм[ан] и К^o. Их ответ с «оговорочками».

1. II.

Сволочь Ингерман не перестает вызывать во мне негодование. Он сообщ[ил] знакомым, что жалеет о происшедшем. Мерзавец! Это тоже фортель с его стороны, чтобы показать, что он, в сущности, прекрасный человек.

14.II.

Павел прислал 200 fr. Как и раньше это случалось уже, с этой получкой пошли неожиданно и из других мест, так что вместе собралось целых 300 дол.! Взял бумаги на гражданство.

27.II.

Сделали мне операцию. Ругал в это время Инг[ермана].

Март.

Получил от Короленко благоприятный ответ относительно очерка о Якубовиче — он появился в марте. Написал статью для «В[естника] Евр[опы]» о возникнов[ении] террора.

10.IV.

Стоит ли оставаться в Амер[ике]? Этот вопрос оч[ень] меня занимает. Чего я могу здесь дожидаться? Ведь обамериканиться я не смогу; жить здешними интересами не по мне. Да и насчет заработка сомнительно, чтобы когда-ниб[удь] устроилось. А писать свои воспомин[ания] я еще с больш[им] удобством могу в любом европ[ейском] гор[оде]. Планы Эсф[ирь] считаю фантазией, из какой-то ровно ничего путного не мож[ет] выйти. Посмотрим, что-то будет осенью? А пока надо продолж[ать] писать для «В[естника] Евр[опы]», чтобы было на что существовать.

12.IV.

Спектакль в мою пользу сошел оч[ень] удачно; был полный театр. Но я говорил неважно, хотя публика, кажет[ся], остал[ась] довольна.

Невероятное происшествие — гибель колоссального парохода «Титаник», столкнув[шегося] с льдиной. Погибло более 1500 чел[овек].

Май.

Поездка в Филад[ельфию] на [неразб.] митинг.

27.V.

Переезд в деревню. Устройство огорода. Надежды Эсф[ирь], что овощи удешев[ят] нашу жизнь, мне кажут[ся] преувел[иченными]. То же и насчет куриц. Затем и планы насчет приезда ее детей кажутся мне оптимистич[ными].

Август.

В «Метрополитен» принят мой очерк «Встречи» и заплатили \$150. Из «В[естника] Евр[опы]» \$ 90 + 79 = 319 дол[ларов].

Сентябрь.

Попытка издать «Голос Правды». Отправ[ил] в «Р[абочую] Г[азету]» статью о Степняке, но не была помещ[ена].

Октябрь.

Из жур[нала] «Современ[ный Мир]» получ[ил] благоп[риятный] ответ, но статью «У начала легенды» не приняли из-за обилия будто бы материала. Думаю, глав[ная] причина в Богучарском, котор[ый], очевидно, имеет что-то против меня. Я его раскритиковал в двух заметках (в «Совр[еменном] М[ире]»).

1913 год

Новый, 1913-й год встретили куда лучше, чем предыдущий, как в моральном, т[ак] и в матер[иальном] отношении.

19 апр[еля] Эсф[ирь] ездила в Россию. Написал неск[олько] статей для них. «У нач[ала] легенды» («Сов[ременный] М[ир]», ноябрь) против либер[алов]; «Шаг назад» и «На суд читателей» — прот[ив] Богучарск[ого] — недурными оказал[ись]. Ст[атья] «Драгом[анов] в изгн[ании]» — в «В[естнике] Евр[опы]» интересна. — Побывал с рефер[атами] в Детр[ойте], Кливл[енде], Балтим[оре], Филад[ельфии], кое-что собрал и видел. В память 30-ти лет[ия] гр[уппы] «Осв[обождения] Тр[уда]» был митинг, давший \$ 845 в мою пользу. Закончил год с остатком более \$ 1000, что еще никогда не имел. Эсф[ирь] приехала обратно лучше прежнего настроен[ной].

1914 год

1914-й год в матер[иальном] отн[ошении] начался недурно: путем митинга д-р Аронсон с помощью А. Кана собрал в мою пользу больше \$ 840, ч[то] дает возможн[ость] вместе с незначит[ельным] заработ[ком] с лекций и статей просуществовать год, а то и два.

28—29.III.

Настроение отвратительное, хоть кончай с соб[ой]. С Э[сфирь] не в ладах вот уже неделя из-за пустяка. Мож[ет] б[ыть], я и виноват, но и она чересчур придирчива, простить не может малейшей неприятности, злопамятна. Мы с нею, действ[ительно], сильно расход[имся] во вкусах, надеждах, планах. Но, кон[ечно], не это глав[ная] причина скверн[ого] настр[оения]. Еще неприятн[ости] по поводу самовольн[ого] сокращен[ия] 2-й моей статьи в «Современном М[ире]» (фев[раль]), сделанного редактором. Но и это едва ли в другое вр[емя] так меня расстроило бы. Вся жизнь с ее бездеятельност[ью], бесцельн[остью], бюезысходн[остью] тяготит: не вижу просвета в будущем. Но надо крепиться по кр[айней] м[ере] еще два года до получен[ия] прав гражд[анства], чтоб устроить Э[сфирь] с детьми, — вот цель маленькая, хотя и чужая. Нет мне дела здесь по душе, да и вообще нигде не могу себе найти ни дела, ни цели, ни интереса, и так тяжело...

31.XII.

Ужасный год войны миновал. Что-то принесет новый? В личных условиях кое-какие изменения отчасти к лучшему. Э[сфирь] получила заработок — физическое развитие больных. Кажется, будет иметь успех, если ничто неожиданное не вмешается вдруг. Но я именно боюсь этих неожиданностей... В моем положении — никаких решит[ельно] изменений. Но я чувствую бóльшую в себе уверен[ность] насчет писательства, а отчасти и лекторства. В матер[иальном] отн[ошении] даже отчасти хуже, ч[ем] в прошлом г[оду]. А в личном даже много хуже: все нелады с Э[сфирь] — теперь из-за ее стремления перетянуть сюда дочь с зят[ем] и детьми; боюсь, что не уживусь с этой К^о: мне хочется тихой, по возможности, беззаботн[ой] жизн[ни], а большая семья неизбежно принесет много хлопот, суеты и пр. Не по моему это характеру. А Э[сфирь] страстно желает этого, ну и сердится на меня. В литератур[ном] отн[ошении] мин[увший] г[од] был для меня довольно успешен: кроме 2-х статей в «Современном М[ире]», одной в «Мин[увшем] Год[е]» и 1-й в «В[естнике] Е[вропы]», поместил ряд статей в «Zuk[unft] (об Аксельроде), Нат[ансоне], Жор[есе], Лас[сале], в «Gleichheit» (о рус[ской] эм[играции]) и в «Tag» [о войне 1877/8 гг.]. Ст[атья] о Лас[сале] вызвала много нападков. Из лекций наиб[ольшее] вним[ание] заслужили (о войне: мои симпатии на стор[оне] Тройств[енного] согл[асия]. Все, за исключ[ением] Плех[анова], Кроп[откина], Маслова, Иорд[анско-го] — за отрицание, вообще, войны. Нов[ый] год встрет[ил] в постели с книгой...

1915 год

4.I.

Начался год для нас обоих оч[ень] тоскливо: мы встречали его в скверн[ом] настроении из-за несогласия моего на совмест[ную] жизнь с д[етьми]. То же настроение было 1-го, 2-го, 3-го. Но вот сегодня вдруг приходит ко мне в библиот[еку] т. Зелинский и сообщает о получении им при содействии Хилкв.[?] патента на изобретенный им (Зелинским) особого рода замок и что он с женой (оч[ень] симпат[ичной] полькой) решили по получении за это денег уделить часть их в мое полное распоряжение. Вообще, как Зелинский, т[ак] и его жена проявили искренно товарищеское ко мне расположение и готовность. Я выразил им сомнение относит[ельно] прочности их решения в случае удачи помочь мне, т[ак] к[ак], мол, деньги портят людей. Как бы то ни было, но есть надежда на избавление. А ведь

я уже был близок к отчаянию и серьезно собирался бежать из Америки. Посмотрим, ч[то] из этого выйдет. Неужели тоже утка? Пока что мы трое решили ничего не говорить Э[сфир]и, пусть для нее будет сюрпризом, если Зелинские исполнят свое намерение и, наоборот[от], не будет разочарования в случае перемены у них решения, при получении денег. Во всяком случае, недурное начало, скорее хорошее: все же имеются хорошие товарищи!

17.1.

Страшное землетрясение вблизи Рима. Моя лекция об Иоанне Грозном и Николае II вызвала уморительные замечания. Один заметил, что евреи во всем виноваты, даже землетрясения вызвали они же! Другой нашел, что я «расказал байки» и чернил, «хаим», рус[ский] народ. Поэтому он думает, ч[то] я на стороне немцев. Двое более развитых доказывали, ч[то] я не прав, сопоставив Иоан[на] с Ник[олаем], так как первый был с характером и преследовал только бояр. Поэтому в народе о нем составились легенды, как и о Стеньке Разине.

Я написал большое письмо Волонтеру, в котором изложил мои отношения к «Нов[ому] Миру».

3.V.

Кое-какие заметки в предыдущие месяцы я делал наскоро в маленькой книжечке. Мои усилия помочь Зелинскому пока в результ[ате] дали только то, [ч]то он нам задолжал больше \$ 100 и мы сверх того еще поручились за него в \$ 300. Хотя патент им вскоре был получен, но покупатель не отзывается. Меж[ду] тем матер[иальное] положение как его, так и наше, с каждой неделей ухудшается. Я настаиваю на приискании им себе заработка, но он, очевидно, отбился уже от работы. Боюсь, как бы не окончилось плохо для нас. Равич выступил в ред[акции] «Н[ового] М[ира]» и, против ожиданий, написал в защиту общества «Н[овый] М[ир]» такой дифирамб, что я его выругал. Через месяц с чем-то жена явилась уговорить о примирении. Я док[азывал] бесполез[ность] ввиду его самомнения и самоуверенности. В конце концов согласился, хотя я не знаю, ч[то] из этого выйдет, так как остаюсь при прежн[ем] мнении, что он довольно резко со мною спорит, что я не могу выносить этого.

Ни в «Tag», ни в «Zuk[un]ft» больше не пишу, и наши ресурсы еще более оскудели. Вскоре и Э[сфир]ь лишится заработка, а тогда меся[ца] через 4 конец нашим сбереж[ениям]. Я только из «В[естника] Е[вропы]» получил \$ 62 и могу приблизит[ельно] столько же еще получить. Но у нас появился новый молод[ой] приятель, кончил москов[ский] унив[ерситет], А. И. Зак, о[чень] даровитый юноша, массу пишущий во многие журн[алы]. Заинтересов[ался] моими статьями из ист[ории] рус[ского] рев[олюционного] дв[ижения] и согласился хлопотать об образов[ании] К⁰ из своих приятелей, которые, мол, возмутся за издание большой моей книги. Он же сам придумал ей название: «Наше прошлое: пережитое и передуманное за 50 л.» Он уверен в успехе. Я тоже почти не сомневаюсь. Но вот беда: без обеспечения по кр[айней] м[ере] на год нельзя вплотную приниматься за такую работу, а такого обеспеч[ения] ниоткуда не видать. Правда, Зак обещает выхлопотать через своих знаком[ых] аванс мне, но я мало верю в это. Как бы то ни было, явилась надежда на осуществление большой, интересной и полезной работы. И тем не менее не могу сказать, чтобы это меня особен[но] воодушев[ило]. Наоборот, хотя я и занимаюсь, читаю, но вяло, опостыло и по-прежнему часто думаю о самоубийстве.

Июнь.

Задумали издав[ать] ежем[есячный] журн[ал] на рус[ском] яз[ыке] «Своб[одное] Сл[ово]». Условия, кажется, складываются благоприятно ввиду как участия Зака, так и сближения с Плехан[овым] благодаря совместно-му изданию сборника «Война» (к слову, прекрас[ная] статья Плехан[ова]). В матер[иальном] отнош[ении] также благоприятно наше соедин[ение] с Моделем ввиду того, ч[то] у него бюро объявл[ений]. Ну, да увидим! Боюсь только, что круг читателей ограничен будет.

1916 год

7.XI.

После хороших проводов и достаточного сбора денег расстаемся с Америкой. Что-то ждет нас в Евр[опе]? Уезжаем при лучших условиях, чем мы могли ожидать.

29.XI.

Ну, вот мы в Лондоне... Тяжелое вообще впечатл[ение] произв[одит] обилие военных и между ними всевозможных раненых. Но приятно видеть женщин в мужских полях — на трамв[аях], почтальонов и пр... Виделись со многими уже. Хорошее в общем впечатление. Особен[но] мил Зунд[елевич]. А еще более того очарователен Кропоткин. Большую нашел я в нем перемену в сторону либерализма и умеренности. По-прежнему анархистской является Фаня Степняк.

Декабрь.

...Вследствие травли, поднятой против нашего журнала за его оборонческое направление (см. «Св[ободное] Сл[ово]»), циркуляция его все падала, так что спустя полгода нам пришлось прибегнуть к просьбе о поддержке к близким товарищам-единомышленникам, вносившим ежемесячно определенную сумму (к д-ру Зифу, к Попову, Эбергарту). Поддержали нас также некоторые сочувствовавшие нам рабочие, но эта поддержка была ничтожна: преобладающий контингент рус[ской] иммигр[ации] был против нас. Сознав это, мы решили дотянуть издание «Своб[одного] Слова» до конца года его существования, а затем вернуться в Евр[опу], что, как видно из № этого жур[нала], мы и осуществили: в ноябре 1916 года.

1917 год

Переезд наш из Н[ью]-Й[орка] в Лондон сошел вполне благополучно. На пароходе (американском) были небезынтересн[ые] англичане, с которыми мы много беседовали. Подводного взрыва со стороны немцев, которого все опасались, к счастью, не произошло. Уже вблизи Ирландии была сильная буря, но мы с женой не страдали морской болезнью.

Наши старые друзья — Зунделевич и Фаня Степняк — встретили нас радушно. Пожив некоторое время у последней, мы затем переселились в англ[ийский] дешев[ый] пансион, где прожили до отъезда — после февр[альской] рев[олюции] — в Россию в конце мар[та] ст[арого] ст[иля]. Переезд из Англ[ии] в Рос[сию] обставлен был большими предосторожностями со стороны англ[ийских] властей.

Февраль.

Ниоткуда нет писем, рус[ских] газ[ет]. Ничего не посылаю в Америку).

16.III.

Наконец получили телегр[амму], ч[то] в Петрогр[аде] разраз[илась] революция, уже 6—7 дней тому назад. На днях еще спорил с Зундом, отрицавшим ее возможность. Ход ее прекрасен. Только бы не помешали крайние. Не думаю, чтоб возможна была контрреволюция. Война должна длиться до победы над немцами. Необходимо провозгласить республику; уравнивать женщ[ин] во всех правах. А тогда «раскуют мечи на орала и копыя на серпы». Да, дожили мы, наконец, до свободы! Какое счастье, какая радость! Но кто же ее добился!

Несомненно, трудящиеся массы. Либералы, как это происход[ит] и на Западе, удачно воспользовались создав[шимся] положением и — надо отдать им справедливость — умело осуществляют демократическую революцию. Получается поэтому впечатление, будто им-то и принадлежит главная роль во всем происшедшем и еще предстоящем в будущем. Могло бы и должно было бы быть иначе: социалисты должны стоять если не во главе, то, по кр[айней] м[ере], наряду с другими передов[ыми] партиями, так как ими глав[ным] обр[азом] подготовлена революция, они принесли неимовер-

ное количество жертв. Почему это не произошло? Пот[ому], [ч]то, во 1-х, рознь в их среде, непонимание многими из них момента, а главное — неправильное отношение к войне. Опасность для революции со стороны немцев: Вильгельму грозит опасность потерять престол, и он попытается разбить рус[ские] войска.

31.III.

Митинг по пов[оду] рус[ской] рев[олюции] был устр[оен] разн[ыми] группами, по иниц[иативе] Майского, вздумавш[его] наставлять меня, в как[ом] духе говорить. Я не пошел, ч[то], по-видимому, некоторым не понравилось. Этот господин — сомнительной политич[еской] нравственности: будучи «интернац[ионалистом]» сотрудничает в «патриотич[еской]» прессе...

Апрель.

С 1 — по 4-ое здесь проб[ыл] Г. В. [Плеханов] с женой проездом. Только физически сильно изменился — похудел, но все так же остроумен,.. интересен. Колебался насчет возвращения в Россию ввиду нездор[овья], с грустью говорил: «Судьба дала мне хорошую голову, но плохое здоровье». Мечтал о днях в России, жалел, ч[то] не сможет служить как военачальн[ик], собирался влиять на солдат,.. возмущался взглядом Мартова, ч[то] так как война может погубить революцию, то надо, мол, погубить революцию. Завещал мне, на случай гибели от субмаринки, опубликовать это.

7.IV.

Приех[али] в Рос[сию]. Встречи, ликования. Сильные впечатления; огорчения, разочарования.

1.V.

Три пункта были причиной выступления Волынского батал[ьона]: 1) дайте нам хлеба, 2) не хотим стрелять в народ и 3) ослабление дисциплины (а 28-го они же на поверке цели «Боже царя храни»).

6.V.

Заявившись на конференцию м[еньшеви]ков, я поблагодарил за приглашение, так как по теперешнему времени этот акт внимания исключительный: известно, что в Исп[олнительный] Ком[итет] С[оциал]-Р[еволюционеров] и С[оциал]-Д[емократов] я и Пл[еханов] не удостоились [быть избранными], в то время когда Зуробов и др., работавшие с Парвусом, приняты. Затем, сообщив о том, ч[то] принадлежу к м[еньшеви]кам с их возникновение, года 2^{1/2}, с начала войны, разошелся с ними, п[отому] ч[то] считаю защиту страны, подвергшейся разгрому, независимо от того, кто явился ее первым виновником, обязанностью, долгом не только всякого соц[иалиста], но и кажд[ого] порядочного человека. Возможно, что некоторые из вас согласились бы со мною, если бы я изложил им свои взгляды, но здесь для этого не место. Скажу лишь, ч[то] в настоящ[ее] вр[емя] самым важн[ым] является вопрос об оконч[ании] войны. Не только социалист, но кажд[ый] поряд[очный] человек обязан принять в ней участие. Ваш центр[альный] орган в этом вопр[осе] держится двойствен[ной] позиции. Для меня же это первостеп[енный] вопрос, и я, один из основат[елей] меньшев[иков], вынужден заявить, что больше не могу считаться в этой организации.

19.VIII.

Мин[истр] фин[ансов] Некрасов заявил представи[телям] печати, ч[то] осенью совершенно прекратится ж[елезно-дор[ожное] движение. Петроград обречен на голод и другие бедствия. Разгрузка невозможна. Будут выдаваться особенные разрешения на выезд. Что же это за Бре[менное] прав[ительство], которое спокойно сообщает обо всем этом и не принимает немедленно самых экстрен[ных] мер! Один ужас впереди!..

25.VIII.

Всеобщая паника, бегство, переполн[енные] вокз[алы], бесконеч[ные] хвосты у касс. Вера Ивановна [Засулич] тоже считает все пропавшим, но покидать Петрогр[ад] пока считает малодушием.

29.VIII.

Новый переполох: восстание ген. Корнилова. Опасения одних, ч[то] он

одержит верх и желания других (кадетов и улицы), чтобы он оказался победителем. Но вскоре выяснилась водевильность этой попытки.

14.IX.

Собралось Демокр[атическое] Совец[ание], от которого ждали или торжества б[ольшевик]ов или укреплен[ия] коалиции министерств. Ни того, ни другого не выйдет, вероятно, поболтают и разойдутся.

8.X.

Собрался Совет Республики, — новая говорильня. Ни до чего не договорились. Бэ-ки (большевики) ушли.

25.X.

Б[ольшевики] распустили ее, захватили власть. Сплошной фарс устроили Гор[одская] Дума и мы в том числе. Полагаю, что большевиков не скоро сковырнут. Троцкий, приветствуя Ленина в Смольн[ом] Ин[ституте], заявил о велик[их] его заслугах перед рус[ской] револ[юцией]. Это говорит тот самый Троцкий, который так разносил Ленина!

30.X

Вчера на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Троцкий сделал заявление, в котором признал, ч[то] некотор[ые] части и революцион[ные] войска сдались правительственным войскам и разоружены. Правительственными войсками заняты были и телефонная станция, и из Михайловского манежа угнаны 4 броневика. Но действуют и «революцион[ные]» войска: сравнивали с землей Павл[овское] и Влад[имирское] воен[ные] учил[ища]. Юнкера арестов[аны] и в качестве заложников отправлены в Кронштадт; за каждого солд[ата] и рабоч[его] буд[ут] затем обменивать 5 юнкеров. «Теперь надо, — гов[орил] далее Троцкий, — беспощадный бой, беспощадн[ый] расстрел, беспощадн[ая] месть: было бы ребячеством думать, ч[то] можно иначе достичь своих целей». Далее Троцкий предложил всем указать, где можно достать автомобилей, ключей проволоки и т. д. На заседании присутствовало только 30 ч[еловек].

15.XI.

В «Известиях Совета рабочих и солдатских депутатов»: «Но не только сознание гибельности создавшегося положения толкнуло массы на третью революцию 25 окт[ября], опрокинувшую коалиционную власть, но также огромная жажда социальной справедливости, выразившаяся в воле к коренным социальным реформам, к немедленному проведению некоторых начал ступенчатой социалистической программы».

Речь Ленина на 2-м Всероссийском съезде крестьянских депутатов: «Нельзя дать народу мира, земли без свержения буржуазии, без социализма. Задача революции — порвать с соглашателями, а порвать с соглашателями это значит стать на путь социалистич[еской] революции»; «Мы идем и должны идти к социальной революции»...

7.XII.

Сегодня Потресов в «Дне» заявляет, что 2-й съезд меньшевиков — объединит[ельный] — «станет отправн[ой] точкой для сплоч[ения] всех оборончес[ких] сил», и заканчивает призывом: «Вперед же, товарищи, не теряя ни одного лишнего часа!» Пустые слова.

17.XII.

Демонстрация б[ольшевик]ов по поводу мирных переговоров с немцами. Прибытие сюда немецкой делегации. Захват частных банков. Усилив[аются] толки о скором голоде. Возобновление нашей газеты. Что из этого выйдет?

1918 год

Новый Год! Что-то он принесет? Не чувствую особой тревоги, но предполагаю, ч[то] много горечи впереди. Хотя, в сущности, я соверш[енно] один встречаю его, но настроение недурное: либо пот[ому], ч[то] материально обеспечен и, вообще, обстановка хорошая, а мож[ет] б[ыть], предчувствие говорит, что будет лучше. Эх, сколько раз оно меня уже обманывало! Не

могу сказать, ч[то] скверно провел минув[ший] год, хотя и лично, и общественно пришлось много тяжелого пережить. Жду круп[ных] перемен в наступившем году. Посмотрим!

1.1.

Возможно, ч[то] большевики долго продержатся: внутри страны нет силы, которая могла бы их свергнуть. Тогда они еще многое натворят. Конечно, Учр[едительное] Соб[рание] они или разгонят, или почистят и сведут на нет. Только внешние события да полная разруха внутри вследствие остановки всякой промышленности могут вызвать в массах недовольство. Но допустим, ч[то] они сумеют организовать производство, тогда не только они упрочатся, но, вероятно, ч[то] это послужит сигналом к революции на Западе... Не будь они столь односторонни, прямолинейны и беспринципны, они смогли бы многих интеллиг[ентов] привлечь. Без последних немислимо прогресс[ивное] движ[ение].

5.1.

Участвовал в мирной демонстрации по пов[оду] открытия Учред[ительного] Соб[рания]. Как и предвидел, большевики стрельбой из пулеметов разогнали эту мирн[ую] демон[страцию]. Возмутительн[ый] акт. Негодование страшное. Что-то будет? Надо принять какое-нибудь решение относительно себя...

На замеч[ание] Чернова Рязанову: «Вы расстреливаете рабочих» последний нагло ответил: «А вы что делали в июле?» Как будто не они уже и тогда расстреливали мирных прохожих. Подобно царским прислуж[никам] и реп[тильной] прессе, теперешние большевистские газеты обвиняют манифестантов, будто они стреляли, имели оружие, бомбы! Это — толпа женщин, детей, стариков!

18.1.

Решено прекратить «Един[ство]». Что буду делать, решительно не ведаю. Настроение отчаянное, безнадежное — ниоткуда нет просвета; нет ни един[ого] челов[ека], с которым можно было бы поделиться; нет места, куда пойти. Хоть бы скорее какой-нибудь конец. Большевики, по-видимому, укрепляются: за них Финляндия, Киев, и на Дону начин[ают] склоняться. Голод на время, кажется, тоже удален. Что-то будет с Рос[сией]? Неужели в Зап[адной] Евр[опе] произойдет революция?.. Тогда будет спасена Россия от раздробления, но не от экономич[еской] анархии.

1.11.

Я выброшен за борт — занесен в инвалиды: во вновь возник[шей] газете «Начало» мне не б[ыло] предложено никакого определ[енного] положен[ия], и я от сотруднич[ества] отказался, о чем отчасти жалею. Настроение убийственное. Но и оно переменится. Обдумываю план переселения в среду рабочих. Останов[ился] перед вопр[осом]: вынесу ли, сумею ли приспособиться при анарх[ических] настроен[иях] рабоч[их], а также при моем нежив[чивом] хар[актере]?

6.11.

Отправился к больному Г. В. [Плеханову] в Питкеярви. Много чрезвычайно интересного он мне высказал. О рус[ском] нар[оде], что он очень даровит, но с грустью констатировал, что из-под палки только храбр. Поражал всех этой чертой, а теперь бог знает, чем стал. Об интеллиг[енции], ч[то] не успела пустить глубоких корней, что запрещение семинаристам поступать в высш[ие] учеб[ные] заведения принесло громадный вред делу сближения интеллигенции с народом, так как семинарист больше, чем [другие], знает народ, работая с ним рядом. Выражал возмущение по поводу устраиваемых панихид по умерш[им], заявил, ч[то], умирая, запрещает что-либо подобное относительно себя. Говорил о необходимости отличать белое-людское — духовенство от черного, с которым необходимо бороться, что уже Петр делал.

...Русский народ удержал со времен татарской войны свойство сжигать свои города, так как победа угрожала угоном и истреблением. Этим же Г. В. объясняет сожжение Москвы. Патриотический подъем при крепостном строе, любовь к царю и полное равнодушие к родине при свободе.

...О Ленине: «Я думал, ч[то] он умнее, чем оказался». О Мартове: «Он куда талантливее и глубже Тр[оцко]го. Первая его статья в «Новом Слове» Струве сперва заставила меня подумать, что это новый Добр[олюбо]в, затем он больше ничего путного не написал». Троцкий — «пустой, невежественный болтун», «болтушка», как правильно назвал его Ленин».

Много еще интересных взглядов высказал он, например, о Добролюбо-
ве и Чернышевском. Он также много рассказал из своего детства — об отце, матери, дяде, соседе Терпигорева, годах учения в Воронежской военной гимназии. О том, как отец учил его верховой езде и править лошадьми; причем однажды кричал: «Возжей не отпускай», что (как резюмировал Плеханов) для меня осталось правилом на всю мою жизнь. С восторгом вспоминал он о товарище-черкессе, который хорошо дрался. «Ах, как он художественно дрался!» — восклицал он непрерывно в течение многих минут. — «Нет Гомера, который достойно воспел бы его, как Геркулеса».

24.IV.

Вернулся из 3-й поездки к Плеханову, у которого провел 3 недели. Много, хотя отрывочных, но интересных мнений и замечаний слышал от него. К сожалению, не все запомнил. Здесь застал полное уныние: чувствуется апатия, равнодушие. Люди словно рукой махнули на все: пусть будет, что будет. Никто не видит выхода, по-видимому, примирились с большевиками. Да и они правят. Все в один голос: пропала Россия, стала немецкой колонией! Чичерин — министр иностранных дел, этот архивариус, что может быть комичнее и трагичнее этого! А Троцкий уже военный и морской комиссар! Нет выхода! Вера Ив. [Засулич] смотрит безнадежно, ко всему равнодушна, говорит: «Не стоит жить, не интересно».

На Кавказе ужасы, особенно в Баку, и оттуда от Эсфирь — ни слова вот уже 3-й месяц.

27.IV.

Сильнейшая тревога ввиду опасения захвата Петрограда финно-германцами. Большевики твердят, что «голыми руками» им Петроград не отдадут, но никто этому не верит... Когда же будет конец? Дождусь ли? Ничего не хочется, никуда не стремлюсь. Хотелось бы заснуть на все это время и проснуться уже в другое время. Возможно, что, переспавши эти ужасы, впоследствии будет даже приятно вспомнить это время.

17.V.

Вновь, после долгого перерыва, выступал на митинге рабочих Обуховских железнодорожных мастерских. Собралось немного, человек 300—400, и настроение уже не то, совсем не то. Говорил я около часа о современной разрухе и о том, как выйти из нее. По-видимому, имел успех. Там же получил приглашение прийти через 3 дня на другой рабочий митинг.

А положение страны катастрофическое: еще пара-другая недель пройдет, и немцы заберут все то, что им приглянется, затем восстановят Романовых плюс какого-нибудь Гогенцоллерна.

Настроение ужасное. И в личном отношении прескверно, везде неудачи, одинок, нет заработка, тревога за Эсфирь, застрявшую в Баку, где вечная резня. Нечем жить, да и не для чего. Но добровольно расстаться, самому покончить что-то еще удерживает; значит, есть еще интерес. Посмотрим! Главное жить честно, для других.

26.V.

Сегодня положено начало обществу им. Г. В. Плеханова. Он при смерти.

Ужасы, надвинувшийся голод (по $\frac{1}{8}$ хлеба) все больше и больше восстанавливают рабочих против большевиков. На всех заводах — митинги принимают резолюции против них и за Учредительное Собрание. А большевики взваливают это брожение «на контрреволюционеров» — меньшевиков, эсеров, кадетов — и позакрывали все газеты этих партий.

1.VI.

Присутствовал и выступал на собрании уполномоченных фабрик и заводов, где обсуждался вопрос об однодневной политической стачке. Настроение далеко не решительное, без подъема. Поэтому я высказался за

энергичную подготовку ее в будущем. Пока мало утешительного в среде рабочих.

12.VI.

Получено сообщение о смерти Плеханова еще 30.V. Из Смольного любезно немедленно дали разрешение на привоз тела его сюда. Умирая, Плеханов выразил желание быть похороненным рядом с Белинским. Бюро уполномоченных фабрик и заводов вместе с представителями организации «Единство» образовали похоронный комитет... Все время до похорон было ужасно тяжелое состояние: я в нем многое потерял, да и не я один, а вся Россия, весь цивилизованный мир. Несмотря на крупные его недостатки и промахи (начиная со 2-го съезда и его то сближения, то расхождения с большевиками) Плеханов все же является самым умным, наиболее даровитым и образованным социалистом не только в России, но и на Западе. По эрудиции, он, по-моему, стоял выше Каутского и Меринга, рядом с Энгельсом, что он сам, кажется, признавал.

Долго я не мог найти себе места и на 2-ой день после похорон даже захворал. Чувствую себя отвратительно и по сие время. Выступал при похоронах и у трудовиков.

25.VI.

Ездил в Москву... Туда и назад в купе беседовал с представителями большевиков. Право, по части энергии, деловитости и даже преданности за пояс заткнут меньшевиков, эсеров и прочих. Жаль только, что мало образованы: по части социализма, по крайней мере, мало понимают, думают, что они осуществляют социализм...

30.VI.

Концерт, посвященный памяти Г. В. Плеханова, был недурен, но на митинг в цирк собралось до того мало народа, что решили возратить собранные за билеты деньги. На 2-й митинг на Петроградской стороне собралась публика, но не пришли ораторы. Беда, до чего не везет!

Июль.

Столь же неуспешно идут сборы на образование фонда им. Плеханова — поступают чистые пустяки, тысяч 20—25.

8.VIII.

Что может быть отчаяннее состояния, переживаемого теперь? Никакая каторга не может идти в сравнение. Там была надежда, выживши, вновь работать на революционном поприще, а теперь, добившись, казалось бы, осуществления юношеских стремлений, приходится чувствовать себя сданным в архив не в переносном, а в буквальном смысле слова, так как я состою на службе «архивистов». Между тем я чувствую в себе еще много сил и способностей работать, трудиться над чем-нибудь более производительным, чем рыться в старых делах Департамента полиции и 3-го Отделения. Но нет никакой возможности мне примкнуть ни к какой непосредственно теперь полезной работе. Не могу же я идти проситься на службу к большевикам и делить с ними ответственность за производимые ими ужасы... Один кругом.

1919 год

1.I.

Прожит ужасный год. Он никогда не забудется: много горя, несчастья, бед принес он. Сколько смертей, сколько ужасов! Потеряна вера во все: исчезли надежды. Одна мысль у всех: кончится ли все это в настоящем году, а также доживем ли мы до этого? Хуже, кажется, не может быть ни при каком строе... Спорят многие, следует ли возлагать надежды на союзников, что они освободят страну от большевистского насилия.

Я против призыва «варягов», страна должна сама себя освободить, иначе не перестанут многие верить в «коммунистов». Но, говорят, каждый лишний день их господства грозит гибелью страны возвращением ее вспять на многие десятилетия. И тем не менее я решительно против союзников. Россия должна сама себя освободить. Только в этом случае она станет со

временем действительно свободной, демократической республикой. Я убежден, что она и станет такой, несмотря на все ее тяжелые переживания. Великая страна не может погибнуть, как опасаются многие. Россия выживет — это я всегда утверждал.

Для меня лично минувший год был невероятно тяжелым: смерть Г. В. Плеханова несмотря на ожидание ее меня поразила в сильнейшей степени, расстроила, огорчила. Это — незаменяемая для меня, как и для всей России и всего цивилизованного мира, потеря. Я же лично с ним лишился единственного, в сущности, единомышленника. Несмотря на его промах, он самый умный, понимающий и образованный [социал]-д[емократ]. Я дал себе обещание посвятить остаток дней своих увековечению его памяти, т. е. изданию его сочинений и пр.

8.VI.

Смерть Веры [Засулич] после продолжительной болезни далеко не столь сильно подействовала на меня, как кончина Г. В. Плеханова. Причина: ее возраст, ее бездеятельность в последние годы и ее мучительно тяжелое моральное состояние вследствие современных событий — для нее лучше. Но ужасно огорчительно, что таков ее конец, после полустолетнего самого горячего участия в революционном движении, после полного поглощения всех дум, мыслей, стремлений общ[ественными] вопросами, стать посторонней наблюдательницей, выносящей отчасти и на себе все последствия создавшегося ужасного строя, к которому она относилась с крайним негодованием и отвращением, считала хуже всякой монархии, готова была хоть черта призвать для его сверж[ения]. Горько также, что это — сложная, замкнутая и массу сделавшая женщина осталась, в сущности, почти совершенно никому неизвестной. Это поистине одна из величайших трагических натур и жизней не только в русской, но и во всемирной истории. Едва ли она получит достойную себе оценку и в будущем. Вера выше всех не только русских, но и когда-либо бывших революционеров — она занимала исключительное место. С нею не могут идти в сравнение ни Брещ[ковская], ни Фигнер, ни даже Перовская.

21.VII.

Сегодня в Западной Европе (в Италии, Франции, Англии) всеобщая забастовка за невмешательство тамошних правительств в русские дела. Еще не известно, чем она кончится, но факт сам по себе очень знаменателен. Чтобы ни говорили противники большевиков, я не могу не одобрить этой демонстрации, так как она указывает на интернациональную солидарность рабочих названных выше стран. И я не думаю, не допускаю, чтобы эта солидарность могла принести не пользу, а вред. Я задаю себе вопрос: как бы отнеслись Маркс и Энгельс к этой демонстрации, зная, насколько это возможно, живя вне России, и не минуты не сомневаюсь, что они одобрили бы эту демонстрацию, доказательством чего может служить их вполне сочувственное отношение к народовольцам после 1 марта [1881 г.], хотя мы, марксисты, тогда не разделяли из взгляда.

Правыми оказались Маркс и Энгельс — их прогноз, что «русская революция — в авангарде Западной Европы» — теперь осуществляется, правда, после 37—38 л., но, ведь, они не указывали, когда это произойдет.

23.IX.

Меня арестовали, но после допроса в Чрезвычайной Комиссии выпустили.

Расстрел многих за заговор.

24.IX.

В Москве брошена была бомба. Гнусный, возмутительный, бессмысленный [акт], фактически могущий вызвать усиление красного террора, о чем уже пишут коммунисты.

7.XI.

Празднование 2-й годовщины Октябрьской революции прошло довольно вяло. Больше всего в шествиях участвовали красноармейцы, милиция и дети. Сухи и бессодержательны статьи в юбилейных №, посвященных этому дню.

Вновь у меня в трамвае утащили часы и перчатки. Теперь ни того, ни других нельзя достать здесь, или за бешеные деньги. Да и не знаешь, где купить.

Цены растут неимоверно: масло 2000 р. фунт, хлеб — 300 р., картофель (на $\frac{1}{2}$ гнилая) 80—90 р. и т. д. Но всего ужаснее — отсутствие топлива и света. Сами «власти» признают в этом отношении положение «катастрофическим»... Большой бестолковщины невозможно нарочно выдумать, а в это же время сытые, откормленные комиссары и всякие «коммунисты» разъезжают в реквизованных автомобилях и экипажах.

1920 год

1.1.

Ну, вот протянули до Нового Года. Для многих это приятная неожиданность, так как опасались не вынести всех надвинувшихся бед и лишений — холода, голода, темноты... Теперь у многих появляется надежда, что раз до января дожили, то, вероятно, до весны дотянут, а там с теплом все же легче. И думают, что так как «дальше идти некуда», то в наступающем году должна наступить какая-нибудь перемена к лучшему. Я тоже в числе этих «надеющихся», так как из разных сторон приходится слышать, что недовольство среди рабочих «коммунистическим строем» все растет, что будто-бы многие из них говорят, что неизбежна 4-я революция. Поживем — увидим!..

1921 год

24.IX.

Вскоре по приезде в Москву повидался с Семашко, Ольминским, Покровским, Адоратским. С первым — по поводу предпринятых им шагов для увековечения памяти Плеханова. Кое-что в этом отношении сделано. От Ольминского узнал, что Ленин ничего не имеет против того, чтобы я, как этого желает Розалия Марковна [жена Г. В. Плеханова], поехал за границу. Я поэтому, согласно его предложению, написал заявление в Истпарт, прося отправить меня в командировку для разбора оставшегося литературного наследия Георгия Валентиновича. Пока не знаю, что из этого выйдет, говорят, это долгая канитель, пока получится разрешение «Политбюро», Чека и т. д. ...

5.X.

М. С. Ольминский (Александров) по-видимому искренно желает чтобы состоялась моя поездка за границу. Но он, кажется, мало энергичный, [мало] подвижный человек. И едва ли это дело состоится без настойчивости с чьей-либо авторитетной стороны. Между прочим он же подал мне мысль об издании в виде сборников всех моих журнальных статей, за что я ухватился. Сегодня говорил об этом с редактором «Голоса минувшего» Шельгуновым, предложив за это взяться издательству «Задруга». Он не отказывается от этого предложения, но говорит, что очень нескоро оно может осуществиться.

1930 год

Апрель.

При попечителе Магницком в Казанском университете профессор математики преподавал слушателям, что «гипотенуза в прямоугольном треугольнике есть символ сретения правды и мира, правосудия и любви, через ходатая бога и человека, соединившего горнее с дольным, небесное с земным». (Не похоже ли это на некоторые современные заявления?)

4.VI.

Под влиянием перечитанной статьи П. Бер[нштейн]а (Сборник

«Группы освобождения труда». III) вспоминаю мои последние беседы с умиравшим Плехановым, его сообщения о встречах с Энгельсом в 90-х гг., рассказ последнего о преувеличениях Гер[мана] Лопатина в его известном письме к народолюбцам (Ошаниной, Тихомирову и др.) о будто-бы полном единомыслии Энгельса с ним и пр. На вопрос Плеханова, почему Энгельс не опровергнул эти преувеличения, тот ответил, что считал это неуместным, т. к. Лопатин находился в Шлиссельбургской крепости.

Далее вспомнилось мне наше положение в первое десятилетие объявления себя марксистами, когда даже Маркс и Энгельс считали его для России излишним, находя более действительными приемы народолюбцев — террор и пр., приведшие, как известно, только к продолжительной реакции. Мы почти не сомневались, что живи Маркс после появления «Группы Освобождения Трудом», он так же скептически, а то и отрицательно, отнесся бы к ее появлению, как и Лавров; писал же он Зорге с сарказмом о нашей пропаганде из-за границы, забывая при этом, что он с Энгельсом и др. тоже долгое время делали это, за что подвергались насмешкам со стороны «истинных» социалистов.

Таким образом, наша группа подвергалась обстрелу с противоположных сторон. Вспоминается, каким одиноким чувствовал я себя в моральном отношении, когда очутился на Каре. Там изображенный в преувеличенно ярких красках Прибыловым «сильнейший» будто-бы «диалектик», «образованнейший», умнейший и пр. И. Волошенко разливался в насмешках по поводу марксизма вообще, а Плеханова в особенности, не понимая и не зная почти как о том, так и о другом (см. «Каторга и ссылка», № 3).

В этом с ним были солидарны почти все до единого заключенные, не исключая и Рехневского, которого теперь Ф. Кон старается изобразить марксистом, еще до прихода на Кару.

Мне, однако, пришлось быть очевидцем противоположных отношений как к марксизму, так и Плеханову, когда, бежав из Благовещенска, я очутился в эмиграции (в 1901 г.). Тогда для преобладавшей части последней, не исключая отчасти и противников, Плеханов являлся авторитетом. Перед ним преклонялись все до единого, его боялись не только г. г. рабочедельцы, эсеры и т. п., но также Ленин, Мартов, Потресов. Каждое его слово было чуть ли не законом, с ним на собраниях не решались спорить, за исключением анархистов, которых он изрядно побивал. Так продолжалось с некоторыми колебаниями до конца 1905 г., когда он стал терять свое исключительное положение.

И вот с октябрьским переворотом вошло в обычай критиковать этого же «властителя дум» как самого последнего изменника. Лица, не осмеливавшиеся раньше разинуть рта, смотрели на него заискивающим взглядом в глаза, обрушились на него самым грубым, нахальным образом. Сигнал к этому дали те же лица, которые столь многим ему обязаны. А теперь дошло до того, что какие-нибудь Теодоровичи, Татаровы, Ярославские, которые не посмели раньше пикнуть, всячески глумятся над Плехановым, конечно, извращая, клеветая на него и его взгляды несмотря на вышедшие 22 г. т. его сочинений. Но многие ли их читают, а тем более, понимают?

Какой хаос! Бедлам! Можно ли было это себе представить в начале настоящего столетия?!

26. V.

Любопытно, как в течение короткого периода времени лидер народолюбцев противоположно отзывался о деятельности К. Маркса: мне весной 1883 г. он характеризовал ее как вредную, его самого ругал самыми отчаянными эпитетами вроде лжеца, подлеца и пр. А вот как он же в «Вестнике Народного просвещения», № 1, 1885 (стр. 260—270) отзывался об этом же «Капитале»: «Нам приходилось уже защищать К. Маркса от дружеских приветов российской кафедры, а теперь приходится выгораживать его от солидарности с подпольным доктринерством. Замечательно, что имя К. Маркса, составляющее в Европе живой символ социалистической революции, у нас усердно и безбоязненно эксплуатируется разными постепеновцами. Маркс открывает тайну европейской революции. Его сло-

во является откровением для пролетария и страшным для буржуа. Но русские буржуа и революционеры не находят у Маркса формулы русского революционного процесса. Его анализ русских исторических условий был далек от той полноты и глубины, с какими им была изучена западно-европейская действительность. Там был «не только великий ученый, но и политический вождь. У нас он не имеет этого последнего значения. И вот что поныне привлекает к нему благосклонное внимание разных постепенцев».

Едва ли Тихомиров сам понимает, что он здесь написал, и от своих поползновений он будто-бы брал Маркса под свою защиту. Но, очевидно, здесь он высказывает высокое одобрение тому самому человеку, которого всего за два года перед тем всячески поносил, устно и в печати. Этого, конечно, не признают уцелевшие старые народождовольцы несмотря на то, что он [Л. Тихомиров] давно превратился в ярого мракобеса, защитника православия, самодержавия и всякой кнутовщины.

30.V.

Вспомнилось сегодня, что нам отпускалось на каторге 2 1/2 ф. хлеба, 1/3 ф. мяса, известное количество круп, зелени, сала и пр. Сравнительно с тем, что теперь получаем, мы прямо роскошествовали на каторге. Нужно ли лучшее доказательство того, что мы «быстрыми шагами движемся к соц[иалистическому] строю?»

16.VI.

Разговор с Рейнштейком, твердо верящим в блестящие последствия пятилетки, произвел на меня удручающее впечатление. Неужели все кругом наблюдаемое — разорение, обеднение, нужда, фикция, обман, а мы, в действительности, быстрыми шагами идем к социализму? Или я слеп или он в оптическом обмане. Я утверждал, что ни через два, ни пять лет не будет войны, т. к. западным странам не до того. И все же в ближайшие годы должен наступить какой-нибудь поворот, изменение, которое обеспечит, наконец, необходимые средства существования населению. От души желаю, чтобы я оказался никуда не годным пророком, и сам первый признаю это, если действительность меня опровергнет.

17.VI.

Неимоверно тяжело чувствовать себя совершенно одиноким: как в моральном, так и в идеологическом отношении. В сущности я ближе всего к б[ольшевик]ам и, тем не менее, не могу мириться с их приемами осуществления социализма. Читал доклад Кирова на Леноблсъезде по поводу вредительства, в том числе академика Е. Тарле. Позор!

21.VI.

Трусость, подхалимство, угодничество не имеют границ. С разных концов присылаются ходатайства о награждении Ст[алина] орденом Ленина. Чем это лучше прежних возвеличений «начальника» его подобострастными сослуживцами? Стыдно становится не только за других, но и за себя...

24.VI.

Приходил Арх-р.: произвели у него обыск — искали (по доносу) «валюту», ничего не найдя, его все же забрали; затем спустя 2-ое суток выпустили; теперь вся обширная семья по ночам дрожит, боясь нового посещения. Просил «заступиться», как-будто я что-либо могу сделать. Посоветовал не бояться; ушел успокоенный.

25.VI.

Невский против издания моих произведений ввиду 75 л., потому, мол, что я — в противоположность Фигнер и Фроленко, являющихся действительно «инвалидами, мертвыми трупами», — еще «живой» человек, к тому же, будто-бы, опасный, вредный б[ольшевик]ам, могу еще помешать им. Вздор! Я тоже уже мертв — все из меня выжили.

Несколько иначе к этому же плану Булатова отнесся Рязанов; он как будто отнесся сочувственно, обещал подумать, назначил другое свидание этому подростку, но в назначен[...].

Ужасное положение насчет продуктов: бесконечные хвосты, 1—2 ч.

надо для их получения в минимальных количествах; в некоторых местах пуд рязанского хлеба стоит 13 р., а то — 16—20 и даже 32 р., в Саратовской губернии, мясо 40 и более пуд. В селах и деревнях кооперативные лавочки совершенно не имеют продуктов, но много водки, которую пьют крестьяне в невероятных количествах.

По общим сообщениям колхозы распадаются, бегут из них, очень немногие остаются. Утверждают, будто в погоне за валютой режут молодой скот ради шкур, продаваемых за границу. Сплошное разорение!

27.VI.

«В вопросах темпов индустриализации строител[ьства] правые топчатыся на том же достаточно изъезженном месте. Они по-прежнему к решению вопросов индустриализации страны, к основным вопросам социалистического строительства страны подходят исключительно с точки зрения «узких мест» — очередей, заминок в продовольственном снабжении и проч., отражая во всем этом ограниченность обывателя, лишенного исторической перспективы и правильного понимания всего того, что делается вокруг». (Из статьи: «Правые» и «левые» оппортунисты перед XVI съездом ВКП(б), «Правда», № 174 от 26.VI, статья К. Мальцева).

Июль.

Крупнейшим событием этого месяца был XVI партийный съезд, констатирующий чрезвычайные успехи, сделанные во всех сферах за 2 1/2 г., протекавшие после XV. В особенности поразителен сдвиг в земледелии, рост колхозного и совхозного движения. Колоссален также успех в индустриализации. И рядом с этим — невероятная нужда в самых первых продуктах питания, повсюду крик: «Есть нечего!» Очереди во всевозможных лавках бесконечные. В последних пусто, продавцы стоят сложа руки. Контраст между восторженными отзывами ораторов съезда по поводу наших успехов и жалобами полуголодного населения по поводу все увеличивающейся нужды — небывалый, как, думаю, нигде, ни в одной стране.

Замечателен этот съезд еще отчаянной разноской лидеров правого уклона: Рыкова, Томского, Бухарина. Оправдательные речи двух первых производят жалкое впечатление накуралесивших мальчиков. Сверх общего ожидания, они выбраны в ЦК партии, а Рыков даже в Политбюро. Странно!

8 и 9.VIII.

В двух фельетонах «Пр[авды]» любопытные рассуждения некоего М. Митина о философии, причем уже делает параллель между Лен[иным] и Плех[ановым], в которой признает первого «на голову выше последнего» (см. вырезку).

11.VIII.

К некоторым лицам, снисходительно относящимся к лгунам, вполне применимо сравнение со сватью из «Женитьбы» Гоголя, говорившей: «Что же делать, это так уж ему бог дал, что ни скажет слово, то соврет. Он то и сам не рад, да уж не может, чтобы не прилгнуть: такая уж на то воля божия».

В отделе «Со всех концов Советсоюза» сообщение, что «коллегией ОГПУ расстреляны девять чел., у которых найдены серебряные монеты и иностранная валюта» (см., вырезку от 22.VIII, № 231).

25.IV.

Напечатано в газетах постановление ОГПУ о расстреле 48 вредителей рабочего снабжения (см. газету от указанного числа). Многие находят такую тайную расправу возмутительной, что она инсценирована для оправдания господствующего в стране недостатка в продуктах, сбываемых за границей себе в убыток, лишь бы получить валюту, нужную для оплаты покупаемых там машин, для содержания дорого стоящих торгпредств и полпредств.

19.X.

Вот уже 3-й месяц, как находится в заключении Сем. Ерем. [неразб.]. Известно, в чем он обвиняется. Я справлялся в ГПУ, мне сказали, что его «на днях освободят», но с тех пор прошло пять недель, а его все нет. Между тем он больной старик, 72 л., на котором не может не отразиться крайне губительно долгое пребывание в тюрьме.

Прочел в «Известиях» фельетон Горького «Об умниках». Многого совсем нельзя понять — плохой он мыслитель, а что понятно, то очень странно слышать от бывшего пролетария; так он изумляется по поводу лиц, недовольных отсутствием масла, мяса и пр. А он-то сам терпит-ка малейшие лишения? Нисколько!

1931 год

Почти все то же: дороговизна все растет, но растет также и число «гигантов». Будет ли и скоро ли найден выход из создавшегося положения? Думаю, что долго так длиться не может — года 2—3. Но что тогда настанет? Ведь вновь всемирная война уничтожит еще большее количество людей! Поживем — увидим. С 19 мая по 20/VII мы с Э[сфирь] провели недурно в Ленинграде у Розалии Марковны, и у нас состоялось примирение.

Договор с переоформлением ИМЛ (после изъятия [неразб.] папки) относительно издания Сборника Д[ома] Плеханова. Целая история.

Письмо Сталина о книге Слуцкого и результаты этого. Появление нового Сборника — «Литературное наследство» и договор Розалии Марковны с редакцией. Нарушение его.

Присвоение Козминым Б. П. моей работы о Вере Засулич. Бесплодность моих вызовов его на товарищеский суд. Мой приятель Кальконович, а также Муравьев в этом инциденте.

Раскулачивание крестьянина из Гудаловки и восстановление его Мураловым. Последствие этого. Дело Марьи Викторовны, ее мужа, брата невестки. Тяжелое положение последней. Мои ее утешения.

Переговоры мои с соц[иально]-экономическим отделом ГИЗ'а по поводу Сборника. Полная невозможность соглашения на примечания и статью их к сборнику. Наш ультиматум.

Заявление Любовь Иссаковны [Аксельрод] об обращении к шефу. Роль Ив. Н. Мое отношение к ней за скрывание от меня об уже написанном ее письме. Избегание ее.

1932 год

Пребывание (в янв. 32 г.) в Михайловском. Мой доклад. Результат этого. Споры со многими.

План совместной работы с Ив. Ник. над книгой о писателях. Заключение договора с «Академией». Размолвка с зам. Ежовым.

Заявление завдомом им. «Ильича» о капитальном ремонте и о предстоящем нам переезде [...].

30. X.

Письмо крестьянина Ивашева из Гудаловки об отчаянном положении вследствие перегибов местных властей и просьба о заступничестве, как будто я обладаю силой, значением!

Поклеп на меня в Указателе литературы Первой русской революции, будто и Дейч Л. Г. в последние годы был в связи с меньшевиками-интервенционистами: это гнусная клевета из лагеря Невского-Анатольева (см. их примечание к книге О. Люботович).

Расстройство вследствие возмутительного отношения ко мне и Эсф[ирь] завдома, отказывающегося перевести нас в лучшее помещение.

Очень удачно следующее место в статье Плеханова о значении террора: «Тогдашние западно-европейские социалисты, с Марксом и Энгельсом во главе, видели в русском терроре блестящее выражение силы революционного движения в России, в действительности же террор был признаком слабости его... Титаническая энергия террористов была поистине энергией отчаяния» (см. «Войн[а]». Материал[ы], 1925 г., кн. 3, стр. 111).

Там же его признание роли европейских рабочих (115).

История с Б. П. Козминым кончилась в его пользу из-за обломовского поведения Н. А. Муравьева, тянувшего без конца свой ответ на возмутительный отказ этого плута от товарищеского рассмотрения его поведения в данном случае. Оставление без какого-либо ответа его нелепо мотивированного отказа дало основание этому субъекту утверждать, будто даже выбранный мною посредник согласился, что мои «претензии» вздорны. Этим отчасти можно объяснить то, что Ярославский, обещавший сперва организовать дело рассмотрения моих жалоб на редакцию «Каторга и ссылка», затем оставил мое последнее к нему обращение без ответа, велел сдать его в «архив» (см. мое к нему письмо).

После этой истории следующей наиболее крупной является новая и, полагаю, на этот раз — последняя, окончательная ссора с Розалией Марковной Плехановой, все из-за ее возмутительно нелепой претензии являться выразительницей непогрешимого поведения умершего ее «Жоржа» и ее личного, конечно, также. Надеясь «добрым тоном» в личной беседе убедить ее во многих ошибочных ее шагах, что вредно отразилось на выпусках его сборников «Дома Плеханова», я воспользовался каким-то предлогом для приглашения ее побывать у нас в Москве, пред ее поездкой за границу. Но в первые же дни она явно обнаружила желание повести себя иным, чем в письмах своих, образом. Резкий спор, закончившийся ее негодующим уходом, произошел из-за ее нелепой защиты поведения ее приятельницы профессора физиологии Лины Соломоновны Штерн: будучи всегда аполитичной в прошлом, последняя вдруг вздумала примкнуть к коммунистам, взгляды которых ей совершенно чужды. В ее защиту Розалия Марковна нашлась только заявить, что «Лина сегодня может быть большевичкой, а завтра стать католичкой» и т. д., т. к., мол, ей совершенно безразличны любые общественно-политические взгляды и убеждения; и это не в отрицательном для ее приятельницы смысле, а в оправдательном для нее, аполитичной женщины. Меня возмутило это стремление, и я воскликнул: «И это вдова Плеханова!» В, казалось бы, ничего особенно обидного не заключающих в себе словах, Р. М., наоборот, усмотрела такое сильное оскорбление, что, не ограничившись заявлением, будто я сказал глупость, вскочила с гневом с места и быстро удрала. Жена, Эсфирь, по малодушию, плохой сообразительности и из чувства гостеприимства приняла ее сторону, настаивая на том, что я должен извиниться, что, конечно, нелепо.

15. IX.

Эррио рассказывает во Франции, тотчас после возвращения из России, о виденном им «блестящем достижении страны во всех областях и особенно по линии просвещения и хозяйственного развития»... На заданный ему вопрос о продовольственных затруднениях в СССР Эррио ответил: «Необходимо остерегаться поспешных выводов. Действительно, я видел женщин, стоящих в очередях за получением керосина. (Только керосина? А за хлебом не видал бесконечных очередей в сотню сажен — по 3 и 4 руб. за кило?). Когда я спросил, как это согласуется с фактом огромного производства нефти в СССР, мне ответили, что в связи с большим урожаем значительная часть нефти расходуется тракторами». (Но почему же зимою до и после урожая во всем СССР было всюду совершенно темно?! Так вмазывали очки в глаза наивного француза не какие-нибудь незначительные лица, а высокопоставленные ответственные представители наш[его] правительства!)

«Опровергая клеветнические (?) вымыслы (?) буржуазной печати о нищенстве на Украине», Эррио заявил, что он везде на Украине встречал трудолюбивое население (подчеркнуто в газете. «Трудолюбивое», но было ли оно сыто? Слышал ли он о продаже там не только кошачьего, собачьего и т. п., но также и человеческого мяса и о людоедстве?)

Подводя итоги своим впечатлениям, Эррио сказал: «Если спокойно и беспристрастно следить за развитием СССР, то можно заметить, что он идет к тому, чтобы стать такой же экономически сильной страной, как САСШ» («Правда», сент. 15-го 1933 г.).

Последнее соображение мне также кажется возможным при некоторых обстоятельствах, а именно — отсутствии интервенции, сокращении огромных совершенно излишних расходов на разные сооружения, содержание малокачест[венных], а то совсем ненужных, учреждений и т. п.

Как бы то ни было, но я от души желаю всякого рода успеха, каковой и теперь признаю во многих отраслях как общеобразовательных, культурных, здравоохранения, так и в производственно-промышленных. Хуже всего, по-моему, обстоят организация обложения населения и борьба с так наз. «раскулачиванием» («ликвидация кулака на почве всеобщего колхозничества»). Меня до чрезвычайности огорчает всякое сообщение о промахах, бюрократизме, хищениях и т. п., отрицательных фактах, мешающих улучшению страны и трудящегося населения. Я охотно принес бы всевозможные усилия, чтобы ускорить и облегчить ликвидацию этих отрицательных явлений, насколько я был бы в состоянии. Следует ли из этого, что я «враг советского строя», как заявляют заочно некоторые обо мне, сводящие со мною свои счёты (В. И. Невский, Н. А. Александрова, Л. П. Лойко и др.). Конечно, это только клеветнический прием!

Сентябрь.

Какое ужасное впечатление производят разоблачения поджога рейхстага на происходящем теперь в Лондоне международном общественном суде! И неужели все эти подлые махинации Гитлера и его приспешников останутся безнаказанными и страна «поэтов и философов» будет долго терпеть у себя шайку бандитов?! Наступит же пробуждение, но доживем ли до него мы, почти 80-летние старые революционеры? Можно ли было допустить мысль о таком низком падении самого передового пролетариата всего 20 лет тому назад? Что-то еще ждет его? И все же, в конце концов, он должен выйти победителем, это неизбежно! Между тем находятся легкомысленные, наивные лица, считавшие себя долго марксистами, которые ввиду восторжествовавшего временно фашизма утверждают, будто учение Маркса и Энгельса «расползается по швам»!

26.IX.

Вчера, в 50-ю годовщину основания «Группы Освобождения Труда», не было ни слова в газетах об этом юбилее; сегодня Невский посвятил этому событию фельетон, часть которого говорит о заслугах, а часть — об измене Плеханова пролетариату. Так чествуются возникновение марксистского направления в России! То ли дело — 50-летие убийства Александра II: это событие чествовалось всячески. Оно и понятно! Думали ли мы, что так отнесутся к нам потомки, когда 50 л. тому назад мы решились выступить как противники господствовавшего народовольчества! За все лишения, за все вынесенное тогда нами, дожив до полувекового «юбилея», получить такое «чествование»!

Грустно очень...

30.IX.

Во многих местах пуд ржаной муки продается по 100 р., а то и дороже; за границей он же, но пшеницы нашей, — по 20 коп. несмотря на значительно большие накладные расходы — перевозка туда, содержание там огромного штата высокооплачиваемых торговых служащих и т. д.; следовательно, русский гражданин платит за ржаной хлеб в 500 раз дороже западноевропейского покупателя нашего пшеничного хлеба! Теперь, говорят, это ужасное положение изменится. Тем лучше.

Приходив[ший] тов. Восходов рассказывал небезинтересные вещи о жизни подмосковной деревни: нет не только хлеба, овощей, картошки, сахара, керос[ина], но и соли, спичек, что, по его словам, объясняется безалаберностью кооперативных лавок, не запаасающих эти дешевые и крайне необходимые предметы. Поломка лампового стекла является большим бедствием, т. к. приходится сидеть в темноте даже при имени с риском привезенного из М[осквы] керосина.

8.X.

Утром чествовали день моего 78-летия. Я выразил вслух опасение, что эта «радость» сменится непременно огорчением. И, действительно, уже

в сумерках мне сообщила старая сибирячка (Бронштейн) о клевете подлой Зубовой, что я — «спекулянт», обвинение, брошенное недавно гнусным Евсеем [неразб.]. Не знаю, что делать, что предпринять? Ведь нельзя вечно оставаться равнодушным, «объективным» к сыплющимся со всех сторон ничем мною не вызванных оскорблений, клевет, возмутительнейших издевательств! Ведь всему же бывают границы, даже самый «объективный» человек выходит из себя, не видя конца преследованиям...

Ноябрь.

Длинный ряд ходатайств о выдаче паспортов несчастным лицам, по пустым воедам лишенным этого важного документа, напр[имер], бедной девушке-сироте [неразб.] 23-х [лет] за то лишь, что ее брат в деревне был обложен непосильным налогом враждебно к нему относившимся сельским председателем; для уплаты было у него все отобрано, вплоть до носильного платья. Жившая с ним сестра его Матрена стала работницей в дер[евне], затем отправилась в Москву, где поступила уборщицей в аптеке; на 20-м году начала обучаться грам[оте], проявив при этом больш[ие] способности. Отказано было ей в паспорте след[ствие] сообщ[ения] из деревни, будто бы она вместе с братом является раскулаченной. Во всех инстанциях, включая ВЦИК, ей было отказано, в том числе и последнем, и на мое о ней заступничество. Но ее спас [?] зам. нач. [неразб.] т. Гирич, «учел мое о ней ходатайство». Трудно описать, сколько выстрадала эта несчастная!..

Второй случай еще того страннее: мужу и трем взрослым детям были выданы паспорта, а жене, находившейся на иждивении последних, было отказано на том основании, что много лет назад муж был лишен прав, т. к. был кустарем, пользовавшимся наемн[ым] трудом. Но в таком случае он не должен был его получить, а она — да. Положение ее, изгоняемой из Москвы, без средств, оторванной от детей, было отчаянное.

Третий — жене не дан паспорт, потому что муж ее выслан в Сибирь за пустяк, хотя она жила на собственный заработок! Но ее комната приглянулась кому-то.

Подобных случаев было у меня еще несколько, большинству этих поистине несчастных мне путем настоятельных просьб удалось выхлопотать паспорта.

Кроме этих хлопот, немало было еще разных других: выдача «справок» для получения персон[альных] пенсий, служб и пр...

20.XI.

В политической сфере крупнейшие события: в Герм[ании] почти два мес[яца] длящийся процесс о поджоге Ван-дер-Люббе рейхстага; в особенности чрезвычайно отрадно заключение Литвиновым союзного договора с през[идентом] США Рузвельтом: ждем от этого всевозможных благ.

Урожай, видимо, дает благоприятные результаты. Досадно, что не везде все удалось собрать и что картошка, вслед[ствие] обычных дождей, частью сгнила.

Личное состояние не особенно хорошее как вследствие историй из-за экон[омики] и зава, так и пот[ому], что не имею возможности заниматься более полезными делами, чем теперь, отнимающими у меня массу времени и сил...

Конец года провел в Батуми, затем — в Новом Афоне. Много различн[ых] впечатлений, встреч, знакомств, но в сущности мало интересного. Приятное ощущение от возвращения [неразб.]. Дальнейшие события — судья челюскинцев, съезд писателей — общеизвестны. А самочувствие отвратительное!.. Съезд XVII, очень интересен. Речь Сталина вполне хороша.

1934 год

27.IX.

Объявление о единовременном налоге на единоличников — по-моему, [он] не только не справедлив, но и крайне вреден во мног[их] отнош[ениях]...

Вступление в Лигу Наций СССР — крупный мировой факт. Литвинов прекрасно держит себя.

1.XII.

Убийство С. М. Кирова и его последствия: многочисленные и ненужные казни.

31.XIII.

Вообще мин[увший] г[од] не лишен был крупных событий. Начался съезд (XVII) партии, указавшего в речи Сталина на крупнейшие достижения; затем последовала занявшая внимание всего цивилиз[ованного] мира, действительно замечательная эпопея челюскинцев, очутившихся в количестве ста с чем-то лиц, в том числе женщины и даже грудные дети, во льдах Сев[ерного] Ок[еана]; далее — огромные достижения в стратосфере и, наконец, небывалый ни в какой другой стране съезд писателей, беллетристов, поэтов, критиков. Особенно выделялась речь Бухарина. Необходимо отметить крупные достижения во внешней политике — заключение договора с САСШ, Фран[клином] Рузвельт[ом] и др., вступление СССР в Лигу Наций, огромные успехи Литвинова.

Во внутреннем положении также заметное улучшение. В конце года объявлена отмена хлебных карточек, что, несомненно, свидетельствует об удовлетворительном состоянии советского хозяйства. Действительно, идет непрерывный рост колхозов, занимающих уже свыше 60% всей крест[ьянской] площади и 80% всего землед[ельческого] населения. Нельзя обойти молчанием ни увеличения промышленности, тяжелой и легкой, ни роста многих старых и новых городов, ни числа всевозмож[ных] учебн[ых] заведений, культурных и пр[очих] учрежд[ений].

Тем более печален финал, связанный с возмутит[ельным] убийством негодяем Николаевым, очевидно, ни в чем не повинного члена выс[ших] госуд[арственных] учреждений С. М. Кирова.

1935 год

Еще более успешно возрастание как городской, фабрично-заводской промышленности, так и аграрной. Особенно знаменательно т. наз. Стахановское движение, охватившее почти все отрасли производства и выдвинувшее большее число истинных героев и героинь из среды трудящихся масс. Это превосходное движение, очень плодотворно, заразительно действуя на самые разнообразные отрасли труда, несомненно, дает блестящие результаты, которые чем дальше, тем будут все более обширны, плодотворны. Уже теперь всюду раздается «жить стало легче, жить стало веселей», и это всеми почти, даже недавними «скептиками», признается. Да и трудно не признавать этого: «хлебные продуктовые карточки» отменены, всюду свободная продажа, нет «хвостов».

Конечно, имеется еще немало недохваток, злоупотреблений, перегибов, на что указывает ежедневная печать и что преследуется правительством. В общем надо признать истекший год наиболее успешным во всех отношениях.

Москве в особенности повезло: открыт был метрополитен (им. Кагановича), приступлено к постройке помещений для Академии, перевезенной из Ленинграда, что, несомненно, окажет огромное влияние на все области науки и техники, сильно подвинулась постройка канала «Волга-Москва», а также подготовка площади для предстоящей в 1937 г. выставки. Радуют москвичей также непрерывные улучшения города и предстоящая вскоре перестройка его по выработанному плану. Действительно, бросается в глаза все возрастающее благосостояние столицы, чему, конечно, невозможно не радоваться.

Лично для меня истекший год не особенно благополучен: с одной стороны, меня расстраивали непрерывные «жалобщики», «униженные и оскорбленные», которые никогда не переводятся, а в связи с убийством бедного Кирова число невинных, случайных жертв в сильной степени

увеличилось; с другой стороны — крайне тяжелые личные переживания, связанные отчасти с раздражительностью ввиду тяжелого положения, в котором нахожусь как лишенный возможности чем-нибудь конкретным заниматься. Начал было приводить в порядок свой архив, для чего предоставил «Дому Плеханова» в Ленинграде почти весь «отдел» (довольно обширный) В. И. Засулич, о чем зав. ДП — Розалия Марковна сочла нужным сообщить в местной (вечерней) газете. Но работа моя по подготовке этого материала движется крайне туго, чтобы не сказать, что, в сущности, стоит на одном месте ввиду почти полной безнадежности увидеть в печати этот материал.

Все это и многое другое, чисто личное, довело состояние моих нервов почти до полного расстройства: вынужден был обратиться за содействием психо-неврологического санатория «Стрешнево» (в Покровско-Глеbove, вблизи Москвы), где пробыл 2¹/₂ мес[яца] (от нач[ала] сент[ября] до 17 ноября). В результате, действительно, в значительной степени окреп, взял себя в руки, примирился со своей участью, чему, вероятно, поспособствовало то, что, как известно, в нач[але] окт[ября] мне минуло 80 лет, следов[ательно], недолго еще придется коптить небо, скоро уже приблизит[ся] крематорий...

По возвращении обратно в Москву при всем желании быть спокойным, миролюбивым не мог не раздражаться вследствие разных местных, в Доме им. Ильича, мелких дряг. К ним затем присоединилась довольно крупная «скандальная история», затеянная ИМЭЛом с пересланными мне Фанней Степняк некоторыми документами из архива ее покойного мужа Сергея Кравчинского. Она (сканд[альная] история) состоит в том, что «оказией», через которую Фанни Степняк решила передать мне эти очень ценные документы (его, Степняка, обращение в 1890 г. «к американскому народу»), вместе с Мак. Твенном и семьей последнего о недопущении заключения [...] с русским царем о выдаче политич[еских] эмигрантов [...]

28.II.

Сообщение в газетах о раскрытии нового заговора — так называемый «Право-троцкистский блок», в котором фигурируют Бухарин, Рыков, Ягода, Раковский, Крестинский, Гринько, Левин, Плетнев и др., произвело невероятно тяжелое, удручающее впечатление, словно кошмар. Невозможно понять психологию этих лиц, что их побуждало, на что рассчитывали, к чему стремились, как пытались помогать фашистам захватить значительную часть страны. С другой стороны, едва ли эти процессы являются благоприятными симптомами внутреннего состояния нашего строя, наоборот, мне кажется, фашисты должны ликовать — вот, мол, как довольны большевики! — и т. п. По-моему, в особенности, в настоящее время, когда намечается союз 4-х крупнейших государств — Англия, Франция, Германия и Италия.

Тяжело на душе. Переживаем ужасное, тревожное время: масса арестов. Чем это кончится и скоро ли?!

1938 год

12.XII.

Целых 3 г. не прикасался к этой книжке, хотя в течение их произошел длинный ряд крупнейших как внешних, так и личных происшествий. Достаточно указать на введение в 1936 г. «Сталинской конституции»; по поводу объявленных ею выборов «Известия» писали: «Ни одна страна мира не знала таких свободных и демократических выборов» («И[зв]естия», 1938 г., 12 дек., № 286). Далее произошел ряд ужасных процессов, в которых фигурировали занимавшие самые крупные посты, главным образом, партийные, лица, приговоренные к высшему наказанию — расстрелам. В Западной Европе за эти годы также произошли крупные исторические события — в Испании, Германии, Австрии, Чехословакии, а также в Абиссинии, Китае. Все это только начало: несомненно, предстоят в близком будущем еще более грандиозные события. Мы живем в небывалой еще всемирно-

исторической эпохе. Едва ли придется дожить до ее дальнейшего развития — да и стоит ли быть свидетелем предстоящих ужасов. Достаточно переживаемые теперь, например, происходящие в настоящее время антиврейские преследования в Германии, японские зверства в Китае и не поддающиеся изображению зверские расправы итальянцев с несчастными испанцами!

1941 год

22.V.

Вновь около 2 1/2 л. не прикасался к дневнику. За этот период осуществились некоторые из моих предположений, но также произошли такие события, возможность которых не допускал бы никто, даже из самых ярых противников советского строя: я имею в виду дружеский союз, заключенный нашим правительством с Гитлером, с тем самым негодяем, бандитом, который сжигает произведения Маркса и всех вообще передовых социалистов, который не останавливается ни перед какими возмутительными приемами для осуществления своих планов. Вследствие этого, а также благодаря легкомыслию английского премьер-министра Чемберлена [неразб.] и французского премьера Даладье погибли Испания, Австрия, Чехословакия, Польша, Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, и в настоящее время идет вот уже 2-й г. воздушная война между Германией и Англией. Готовится присоединение САСШ, а также английских колоний, не считая давно уже происходящих войн Италии с Абиссинией, Японии с Китаем, около года уже происходящей войны Италии и Германии против Греции, а также происходившей у нас войны с Финляндией. Таким образом, за малым исключением почти во всех странах, на всех частях света произошла и еще продолжается война. Сколько миллиардов людей и средств втянуты в эти возмутительные истребительные события! И в это же время наши коммунисты воображают, что они ведут к скорому осуществлению всеобщего рая!

Пока положение России таково благодаря заключенному дружескому союзу с гнусным грабителем Гитлером. Россия не втянута в почти всемирную истребительную бойню, к тому же, вероятно, ей не угрожает никакая опасность с чьей-либо стороны и впредь. Сверх того, благодаря оказываемой ею поддержке Гитлеру как своим квазинейтралитетом, так и снабжением немцев продуктами, мы без единого выстрела получили значительную часть разгромленной немцами Польши, а также «добровольно» присоединившиеся к нам бывшие остзейские провинции — и Литву и Бессарабию. Но большой вопрос: выиграет ли человечество от этой сделки СССР? Не говоря уже о том, соответствует ли этот союз с узурпатором, жестоким фашистом интернационализму, международному рабочему движению, нашему девизу, почти сто лет назад провозглашенному нашими учителями: «Рабочие всех стран, соединяйтесь!»

Не говоря уже про то, что едва ли Гитлеру удастся одолеть Англию и САСШ, но, даже одолев их, едва ли окажется долговременной его всемирная могущественная деспотия, в которой немцы окажутся господами, а все остальные народы — их рабами?! Мыслим ли вообще такой исход из современного положения — не думаю! Вероятнее что-нибудь среднее: ни торжества коммунизма в цивилизованных странах, ни господства немцев в большинстве стран — не допускает мысль. Ну, да недолго ждать — максимум несколько лет, и я, вероятно, еще проживу до окончания современной войны.

29.V.

Какое различие между современными революционерами и прошлыми? Мне кажется оно колоссальным. Прежние были идеалистами и разностороннее, нынешние — материалистичнее и одностороннее.

17.VI.

К. Гейден, автор недурно написанной, хотя витиеватой, не особенно понятным слогом истории «Германского фашизма», между прочим,

проводит довольно удачную параллель между известным фашистом Геббельсом и Талейраном. «Вряд ли можно применять к этому человеку (Талейрану) понятное слово — характер. Он умел раздувать дело, ослеплять, распускать на весь мир ложные сенсации, без зазрения совести использовать преданность других и затем бросать их как выжитый лимон, чтобы присвоить себе их заслуги. К тому же он был искусен в благородных искусствах клеветы, интриг и лжи. Он предал по очереди своего императора Наполеона и короля Людовика XVIII» [...]

22.VII.

Некий Л. Кузьмин в сегодняшнем № «Правды» в обширной статье «О свободе и необходимости» заявляет: «Впервые вопрос о свободе и необходимости научно решен только Марксом и Энгельсом и дальше развит (?) Лениным и Сталиным». Изумительно просто, верно и справедливо! Прямо поразительно! Плеханова, конечно, не упоминает, что в порядке вещей?!

Вот «философия» Гитлера, в изложении К.

(На этом записи обрываются)